

УДК 327 (470+51) (575.2) (04)

К ТЕОРИИ ВОПРОСА О ФЕНОМЕНЕ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР

В.М. Скринник – докторант

The article is concerned with the most important problem of nowadays – the theory of modern national diasporas appearance in the world.

В основе современного мира лежит усиление взаимовлияния между различными типами обществ и культур, выступающих в качестве важных факторов развития цивилизации и международного диалога. Помимо государств, которые взаимодействуют между собой и являются центрами притяжения, присутствуют иные участники системы международных связей, включая глобальные и разнообразные функциональные инфраструктуры (информационные и коммуникационные сети, конфессии, финансово-промышленные группы, этнические диаспоры и т.п.), оказывающие не меньшее, а иногда и большее влияние на развитие мировых процессов [1: 142]. Скорее, эти новые структуры рассматривают государство как механизм реализации собственных целей и задач, а следовательно, стремятся поддержать его, предельно адаптировав к корпоративным интересам.

Можно говорить о существовании целого ряда реальных, эффективно действующих сетевых структур, которые вообще не настроены на конфликт с государством, предпочитая плавное включение его ресурса в свою орбиту, по возможности безболезненно и зачастую незаметно для самого объекта. Сеть политконсалтинговых групп, функционирующих в том числе и в России и довольно часто реально влияющих на внутри- и внешнеполитическую линию государства, не может эффективно действовать без наличия провайдеров в системе государственной власти. Кто в этой связке

ключевой игрок – сказать сложно, но система сложилась и существует.

При этом далеко не всегда видимая сторона деятельности открывает реального игрока. Нередко за разветвленной сетью этнокультурных объединений стоят интересы тех же финансово-промышленных групп, а конфессиональная структура на деле может представлять собой международный синдикат.

Таким образом, феномен диаспоры нельзя понять без анализа различных компонентов глобализации (современная диаспора – транснациональная община), кроме того, неотъемлемым условием изучения этого феномена является распознавание различных ее типов (т.е. необходимо определить, является ли страна происхождения диаспоры суверенной, является ли диаспора результатом добровольной миграции или вынужденного переселения и т.п.) [2: 23].

По классификации Дж. Армстронга, диаспоры делятся на “мобилизованные” – те, которые обладают высоким политическим, экономическим, организационным потенциалом, и “пролетарские”, не имеющие навыков для “эффективного действия в своих коллективных интересах” [3].

Отметим, что внутри одной диаспоры можно вычленивать разные социальные слои, что в принципе говорит о ней не как о корпоративном сообществе, а как о союзе корпораций. Выживает та диаспора, которой удается соединить интересы различных социальных групп, в нее входящих. Прежде всего, интере-

сы тех, кто: 1) является хранителем этнокультурного наследия; 2) обеспечивает экономическую основу выживания диаспоры; 3) создает общественно-политические условия для сохранения диаспоры.

Особенно важны персоналии и институции, являющиеся связующими звеньями между этими группами интересов. Много и достаточно активно пишут о таком явлении, как диаспоральный лоббизм, но ничего (или почти ничего) не пишут о диаспоральных коммуникациях и коммуникаторах. На наш взгляд, в ситуации структурирования, которую сейчас переживает российская диаспора, именно механизмы коммуникации носят центральный характер. Значимы коммуникативные механизмы и их персонализация как в сфере взаимодействия между различными группами интересов в диаспоре, так и между этими группами и обществом, между диаспорой и государством, в том числе титульным. Последний канал особенно важен, так как Россия заявила не о наблюдательной, а об активной позиции в вопросе структурирования “Русского мира”.

Практически все исследователи единодушны в том, что взаимоотношения диаспоры и титульного государства – ключевой аспект в международном измерении проблемы развития диаспоральных организаций. Так, согласно дефиниции, предложенной В. Коннором, “диаспора – та часть народа, которая живет вне родины”. М. Эсман определяет диаспору как “возникшее в результате миграции этническое меньшинство, сохраняющее связь со страной своего происхождения”. По оценке известного финского исследователя С. Лаллукки, “явление диаспоры имеет измерение, относящееся к сфере международных отношений” [4: 11].

Зарубежные исследователи, в частности, Милтон Дж. Эсман, выделяют следующие формы взаимодействия диаспоры, страны проживания и так называемой исторической родины: обращение родной страны за помощью к диаспоре; диаспора способна непосредственно влиять сама на события в стране проживания и в стране “исхода”; страна “исхода” может выступить в защиту прав и интересов своей диаспоры [5: 83–84].

Вызывает недоумение активность российских авторов, доказывающих значимость взаимодействия диаспоры с титульным госу-

дарством и уже десяток лет обсуждающих, гуманно ли и этично говорить о прагматическом аспекте этих взаимоотношений. Причем в эту дискуссию втянуты не только эксперты, но и государственные чиновники, дело которых исполнять, а не обсуждать уже принятые решения.

На наш взгляд, есть вполне очевидные вещи, которые не стоят теоретических дебатов. Следует согласиться с рядом ключевых позиций по диаспоральной тематике и некоторые из них, принадлежащие разным авторам, но в целом совпадающие по сути хотелось бы обозначить.

Феномен современных диаспор содержит в себе до сих пор слабо исследованное явление наложения друг на друга социальных, этнических и политических пространств, вследствие чего стало возможным возникновение и существование глобальных этнических анклавов, пересекающих границы культур и государств [6: 28]. Данный тезис опять же заостряет внимание на значимости коммуникационных линий и диаспоральной логистики.

По оценке Г. Шеффера, вследствие желания диаспор сохранять контакты со странами “исхода” и другими общинами того же этнического происхождения явно присутствует стремление диаспор к созданию трансгосударственных сетей. Это касается как классических, так и современных диаспор. Существование таких сетей может создавать конфликты с принимающими странами. Однако попытки сдерживать развитие сетей не могут привести к успеху. В целом диаспоры успешно пользуются своими сетями для проведения как легальных, так и нелегальных мероприятий; “разрушить или парализовать эти сети или завладеть ресурсами, которые через них проходят, практически не представляется возможным” [7: 272]. С последним тезисом частично можно поспорить. Разрушить сложно, а вот использовать при наличии совпадающих интересов можно.

Иными словами, речь идет о создании сети социальных институтов той или иной диаспоры в различных странах и о структурировании транснациональных пространств, что предполагает наличие следующих условий: социальная база (демографический, этнокультурный материал), институции, инфраструкту-

ра (диаспоральная логистика). Например, А. Бра считает, что уместно говорить о пространстве диаспоры, которое, как и пространство “миграции и перемещения”, представляет глобальное условие культуры, экономики и политики [8].

Очевидно, что в подобном контексте спор о традиционной терминологии: национальные меньшинства, нации-партнеры или диаспоры представляется вообще лишенным смысла. Речь идет о сетевых структурах, а как их именовать – это вопрос вторичный.

По оценке В.Д. Попкова, большинство авторов сходятся во мнении, что существование пространства диаспоры серьезно усложняет проблемы как принимающего общества, так и общества “исхода”. Основной аргумент в пользу данного утверждения заключается в том, что пространство диаспоры “населено” не только теми, кто мигрировал и их потомками, но равным образом и теми, кто остался в стране “исхода”. Другими словами, “пространство диаспоры” включает в себя не только всю совокупность связанных генеалогий рассеяния, но и тех, кто “остается на месте”. Сеть связей транснационального пространства возникает, по мнению В.Д. Попкова, через цепочечную миграцию. Наличие такой сети связей облегчает коммуникацию для вновь прибывших мигрантов, позволяет удачно адаптироваться к новой культуре и одновременно способствует сохранению большинства выигрышных моментов собственной культуры. В свою очередь, возникновение и укрепление двойной идентичности лежит в основе постоянно расширяющейся области организованной негосударственной и неконтролируемой сети взаимодействия и обмена между различными группами людей, которые образуют устойчивые связи, минуя государственные границы и институты [6: 51].

Процесс идентификации сложен до тех пор, пока не подойти к нему как к игре. Диаспоральность в большинстве случаев является актом доброй воли и соответственно есть следствие желаний объекта или группы людей включиться в некую систему отношений, достаточно условную, но почему-то очень им необходимую. Причины могут быть самые разнообразные, начиная от исторически сложившихся форм поведения и традиционной жизни в диаспоре до необходимости консолидации в

целях защиты собственных и корпоративных прав, либо выбора диаспоральности в качестве профессии и средства решения социально-экономических проблем (феномен “профессиональных русских” в странах ближнего зарубежья).

В то же время диаспоральные сети являются не только саморазвивающейся структурой, они и способны и к саморазрушению, в том случае, если отсутствуют внутренние механизмы урегулирования противоречий. В диаспорах выделяются так называемые разностатусные группы, между которыми возможно разрастание внутренних противоречий. А именно: между представителями старожильческих слоев и переселенцами новой и новейшей волн; представителями разных регионов и мест “исхода”; традиционными слоями и модернизированными кругами; этнической элитой и широкими слоями диаспоры; группами диаспоры в рамках конкурирующих национально-культурных объединений [9: 69]. Спецификой современной российской диаспоры является то обстоятельство, что противоречия не разрушают некий единый организм, но и не дают его создать. Речь идет, следовательно, о самом первичном этапе – увязке интересов.

Главнейшая общественная интрига жизни диаспоры состоит в сохранении баланса между выгодной ассимиляцией и интеграцией, с одной стороны, и необходимой этноограниченностью и этнодистанцией – с другой [9: 49]. Это тоже элемент игры, в которую с большим трудом вписывается российская диаспора стран ближнего зарубежья. Ассимиляция зачастую отрицается в принципе, интеграция у значительной части диаспоры вызывает опасения и ассоциируется со скрытой ассимиляцией, а этнодистанция становится самоцелью и трансформируется в сегрегацию. В результате диаспора лишает себя стратегической цели – стать корпорацией с коммуникативными функциями, что может ей обеспечить интерес со стороны других игроков.

Институционализованность – основной признак диаспоральных сетей. Отметим, что ряд исследователей выделяет именно институциональный признак как решающий. По оценке М.А. Аствацатуровой, “решающим признаком диаспоры выступает именно формирова-

ние институтов и организаций, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности, на эффективную социализацию” [9: 39]. Однако само по себе наличие институтов без коммуникативных внедиаспоральных функций и соответствующей инфраструктуры для их реализации делает диаспору, возможно, и самодостаточной, но обреченной на изоляцию, что в современном мире означает то же самое, что и небытие.

В целом анализ развития диаспор в современном мире позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на всю специфику их генезиса, консолидационную составляющую, разницу общественно-политического, экономического, социокультурного потенциала, они выходят или стремятся выйти на одну магистральную линию – создания транснациональных сетей.

Литература

1. Материалы “круглого стола” “Этничность и диаспоральность”. – М., 1997.
2. Шик Е. Приблизительные выкладки о понятии “диаспора” и экспериментальные наблюдения его применения в венгерском контексте // Новые диаспоры. – М., 2002.
3. Armstrong. John A. Mobilized and Proletarian Diasporas. American political Science Review. 70. – 1976. – №2. – June.
4. Лаллукка С. К типологизации развития диаспорных идентичностей финно-угров России // Финно-угорский вестник. – 1999. – №1(13).
5. Milton J. Esman. Ethnic Pluralism and International Relations. Canadian Review of Studies in Nationalism. XV11. 1–2. – 1990.
6. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. – М., 2003.
7. Ethnic Diasporas: A Threat to their Hosts? In International Migration and Security. (Ed.) by Miron Weiner. Boulder. – San-Francisko, Oxford.
8. Brah A. Cartographies of Diasporas: Contesting identities. – London; New York, 1996.
9. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. – Ростов-на-Дону; Пятигорск, 2002.